
RUSSIAN CONTRADICTIONS: HISTORY AND MODERNITY

DOI 10.15826/QR.2016.1.150

УДК 94(470)"1150/15:351.72+336.2+338.244

«ПОВЕРСТАТИ ПО ДОСТОИНЬСТВУ БЕЗГРЕШНО ...»: СИСТЕМА ОКЛАДОВ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV–XVI ВВ.

Михаил Бенцианов,
независимый исследователь,
Екатеринбург, Россия

‘LET US DISTRIBUTE LANDS FAIRLY AND DESERVEDLY’: LAND DISTRIBUTION SYSTEM ESTABLISHMENT IN RUSSIA IN THE 15TH–16TH CENTURIES

Mikhail Bentsianov,
Independent Researcher,
Yekaterinburg, Russia

The author studies the establishment of the land distribution system in the Russian state between the 15th and mid-16th centuries. Referring to a vast variety of sources (cadastre books, gentry military lists, letters patent, legislative acts, etc.) the author analyzes the appearance and further development of the system of land distribution. Comparing materials from different parts of the country, the author describes the complexity and ambiguity behind the creation of the said system. Its basis was the mass distribution of lands in compliance with *lists* in the Novgorod Land in the late 15th – early 16th centuries and was later applied in other territories, facing a number of objective difficulties. In the centre of the country plots of land were distributed in places with advanced estate landownership

---

* *Citation:* Bentsianov, M. (2016). ‘Let Us Distribute Lands Fairly and Deservedly’ : Land Distribution System Establishment in Russia in the 15th–16th Centuries. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1, p. 17–36. DOI 10.15826/QR.2016.1.150.

Цитирование: *Bentsianov M.* ‘Let Us Distribute Lands Fairly and Deservedly’ : Land Distribution System Establishment in Russia in the 15th–16th Centuries // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. p. 17–36. DOI 10.15826/QR.2016.1.150 / Бенцианов М. «Поверстатии по достоинству безгрешно. . .»: система окладов в Русском государстве XV–XVI вв. // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 1. С. 17–36. DOI 10.15826/QR.2016.1.150.

which seriously impeded its growth. There was no effective control over the redistribution of lands, while repressive measures led to no results. After a few decades of land distribution and due to the decrease in the lands available and the drastic increase in the number of landowners initiated by the central government, it lost control over the provision of lands to the service class, which resulted in numerous changes both in internal and international affairs. The land distribution system was re-initiated in the mid-16th century and it took a few decades for it to include all the service class men. As a result, there appeared a discrepancy between the land distribution in theory and its actual implementation. Fair distribution of land as well as the control over service and redistribution of lands led to the emergence of a central management body. The land distribution system played a similarly important role for the development of gentry as a class. Being a major factor in the centralization policy, the land distribution system laid the groundwork for the development of the Russian state being a basis of its intensive expansion policy.

Keywords: estate; conditional land system; military service; gentry; land rank system; Russian state; centralization; autocracy.

Статья посвящена становлению системы окладов в Русском государстве XV – середины XVI в. На основе данных широкого круга источников (писцовые книги, десятины, жалованные грамоты, законодательные акты и т. д.) проанализирован процесс появления и дальнейшего распространения окладов. В ходе исследования путем сопоставления материалов, относящихся к различным районам страны, прослежены сложность и неоднозначность процесса создания окладной системы. Ее основы были заложены в ходе массовых поместных раздач «по спискам» в Новгородской земле в конце XV – начале XVI в. и в дальнейшем применены на других территориях, где их распространение столкнулось с рядом объективных трудностей. В центре страны поместья раздавались в местах развитого вотчинного землевладения, что значительно ограничивало его рост. Отсутствовал действенный контроль над перераспределением земель, а репрессивные меры имели малорезультативный характер. За несколько десятилетий с начала поместных раздач при уменьшении фонда свободных земель и резком увеличении числа помещиков центральным правительством в значительной степени был утрачен контроль над земельным обеспечением служилых людей, что имело множественные последствия во внутренней и внешней политике. Процесс перезапуска окладной системы был заново инициирован в середине XVI в., а его распространение на всю массу служилых людей растянулось на несколько десятилетий. В результате наметился разрыв между номинальными окладами и их фактическим наполнением. «Правильные» раздачи, контроль за несением службы и перераспределением земельного фонда дали толчок развитию центрального делопроизводственного аппарата. Не меньшее влияние функционирование окладной системы сыграло в формировании дворянства как единого сословия.

Выступая в качестве одного из характерных признаков политики централизации, окладная система предопределила векторы развития Русского государства, став основой для его активной экспансионистской политики.

Ключевые слова: поместье; поместная система; служба; дворянство; окладная система; Русское государство; централизация; самодержавие.

Конец XV и первые десятилетия XVI в. ознаменовались стремительной экспансией и расширением границ Русского государства. Насыщенный территориальными присоединениями отрезок времени был удивителен на фоне нескольких предшествующих столетий, когда границы великого княжества Владимирского оставались неизменными.

В основе этого «спурта» лежали переустройство действовавших моделей функционирования государственного механизма, выработка новых ориентиров социальной политики, и прежде всего решение вопроса об организации службы. В условиях полуобязательной службы и общей неразвитости вотчинного землевладения существовал серьезный дефицит кадров. Не каждый вотчинник готов был служить «конно, людно и оружно», как по причине отсутствия профессиональных навыков, так и из-за недостатка стимулов для такой деятельности. Для демократизации службы и кумулятивного увеличения круга задействованных в ней лиц требовались новые источники финансового обеспечения служилых людей. Достичь поставленной цели удалось за счет поместных раздач, которые были развернуты в конце XV в.

Вероятно, с учетом имевшихся различий распространенность и значение поместного землевладения в организации службы существенно отличались в разных регионах. С оговорками можно выделить два сценария, по которым шло развитие поместной системы. В центральных уездах в разряд поместных земель были переведены условные владения дворцовых слуг – псари, сокольники, стрелки, сытники и т. д. [Зимин, с. 138–140]. Потомки некоторых из них со временем стали полноправными детьми боярскими. Большое значение приобрело пожалование поместий как дополнительный способ вознаграждения за службу для представителей служилых фамилий, многие из которых получали поместья неподалеку от своих вотчин. Поместья жаловались индивидуально, исходя из служебных достижений (связей), и не имели организованного характера. Не способны они были радикально изменить принципы организации службы, постепенно вовлекая в себя все большее количество лиц и фамилий.

В чистом виде поместная система была представлена на недавно завоеванных территориях, где производились земельные конфискации и выселения местных вотчинников. Помимо Великого Новгорода с его пригородами и Пскова, поместья стали господствующей формой

служилого землевладения в Вяземском, Бельском, Дорогобужском уездах. Сюда же можно отнести осваиваемые степные территории, где вотчинное землевладение отсутствовало или было представлено незначительно, – Каширский и Тульский уезды. Поместные раздачи в Каширском уезде начались в конце XV в. В 1519 г. было выдано несколько жалованных грамот на поместья в Тульском уезде с перечислением имен прежних помещиков [Бенцианов, 2013а, с. 109–112; АСЗ, т. 1, № 155, с. 129; АСЗ, т. 4, № 453, с. 334].

«Поместная колонизация» имела организованный характер. Поместья раздавались на стратегически важных направлениях, где необходимо было постоянное присутствие воинских контингентов [Бенцианов, 2015, с. 37]. Перманентный кадровый дефицит приводил к нецелесообразности сосредоточения помещиков вдалеке от театров военных действий, например, в Вятской земле. Присутствие помещиков оговаривалось в наказе к наместнику И. В. Шадре Вельяминову: «чтобы еси отпустил ко мне [Ивану III] Василья Злобина, а иные бы поместчики из Вязмы бес слова не ездили никуда, жили бы по своим поместьем в Вязме» [Сборник русского исторического общества, т. 35, с. 428].

Переходным вариантом было создание поместных субкорпораций в рамках существующих объединений служилых людей. В Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. упоминалось несколько подобных групп: «из Ярославля же помещики», «в Стародубе помещики», «помещики тверские» [Кобрин, 1985, с. 97–100]. Среди «ярославских помещиков» фигурировали князья П., В. И. Телятевские. Их появление здесь относится к концу XV – первому десятилетию XVI в. [АСЗ, т. 1, № 146, с. 120]. Поместья в 1511 г. получила целая группа детей боярских: Ф. и А. С. Видовы, О. Б. Суслов, Д., Я., А. Сушковы, С. В. и К. С. Чириковы, а также К. Д. Селифонтов с детьми [АСЗ, т. 1, № 37–38, с. 35–36, 327–328; № 274, с. 248; АСЗ, т. 4, № 460, с. 339; № 480–481, с. 352–353]. «Ярославские помещики» не пересекались в Дворовой тетради с «литвой дворовой», еще одной обособленной группой, созданной во втором десятилетии XVI в.

«Стародубские помещики» князья Мецецкие были переселены на новое место службы в конце XV в. [Кобрин, 1985, с. 100]. В Тверской земле первые поместья начали раздаваться Иваном Молодым уже в конце 1580-х гг. Жалованные грамоты этого князя позднее предъявили Крекшины-Теприцкие и Родионовы [ПМТУ, с. 251, 277]. Затем эта традиция была продолжена Иваном III. К началу XVI в. в число тверских помещиков входили не менее нескольких десятков человек.

Очевидны причины создания этих субкорпораций. В Тверской земле продолжал существовать «двор тверской». Тверская канцелярия выдавала жалованные грамоты [Флоря, с. 281–290; Антонов, 1998, с. 112–113]. Такая автономность должна была иметь контролируемый характер. Помещики играли роль стабилизирующего фактора, удерживая

живая представителей тверского боярства от сепаратистских настроений. Близкой была ситуация на территории бывшего ярославского княжества. Местные вотчинники были упомянуты в духовной Ивана III: «А бояром и детем боярским ярославским с своими вотчинами и с куплями от моего сына от Василья не отъехати никому никуде. А хто отъедет, и земли их сыну моему» [ДДГ, № 80, с. 356]. Благонадежность ярославцев, видимо, также вызывала вопросы.

Помимо перечисленных групп, существовали другие переселенцы. Среди них были новгородские и псковские бояре, «вятчане», получившие поместья в «московских городах». Выходцы из западно-русских территорий, а также соратники князя М. Л. Глинского, образовавшие прослойку «литвы», получали поместья (в ряде случаев – вотчины) взамен конфискованных у них земель.

В обособленные субкорпорации постепенно проникали местные вотчинники. Тверская дозорная книга начала 1550-х гг. содержит подобные примеры. Уже в 1520 г. поместьями были пожалованы представители Епишевых [ПМТУ, с. 301], позднее к ним присоединились Бороздины, Свибловы, Затыкины, Бибиковы и др. Некоторые из них получали поместья по спискам вместе с выходцами из других уездов. Большое количество жалованных грамот с их участием было датировано 1524–1527 гг. В других случаях имели место индивидуальные пожалования.

Определяющие принципы поместной системы были выработаны при массовых организованных раздачах, когда одновременно приходилось наделять поместьями большие группы людей. Эта задача вызывала необходимость развития центрального делопроизводственного аппарата и выработки объективных критериев деления на группы – «статьи» служилых людей, закладывая тем самым контуры будущего развития служебных отношений как применительно к отдельным корпорациям, так и в рамках всего государства в целом. Система окладов стала со временем краеугольным камнем в организации «служилого города», унифицирующим признаком, объединяющим служилых людей различного происхождения.

Вне зависимости от места раздач исходный импульс по их проведению исходил от великокняжеской власти. Сами раздачи проводились под контролем одних исполнителей из центрального аппарата, представляя локальные варианты общерусского процесса, реализуемого по схожим моделям и шаблонам. Характерные для поместной системы черты не могли появиться одновременно. Их развитие и совершенствование проходило на разных территориях, имеющих свои особенности, в условиях влияния ряда внутри- и внешнеполитических факторов.

Потенциал создания поместной системы был понят далеко не сразу. Традиционализм, опора на «старину» и отсутствие развитого аппарата, который мог бы контролировать организацию службы, сдерживали ее развитие. Во многом стремительность поместных раз-

дач была вызвана сочетанием случайных факторов. Ключевую роль в этом процессе сыграло присоединение Новгородской земли.

Далеко не сразу Новгородская земля была подвергнута массовым конфискациям. Необходимо принимать во внимание отсутствие единого плана, определявшего ее судьбу. Начавшиеся в 1478 г. выселения местных бояр осуществлялись в несколько приемов. Изначально при их проведении не была поставлена задача ликвидации боярского землевладения. Сценарий развития событий предполагал интеграцию новгородцев в действующую схему организации службы. «Новгородская сила» участвовала в 1481 г. в походе «на немцы», а в 1485 г. – в завоевании Тверского княжества. Кое-кто из местных бояр, вероятно, даже смог увеличить свои владения за счет конфискованных земель [Бенцианов, 2015, с. 42].

Первые немногочисленные раздачи (фиксируются с 1482 г.) не имели системного характера. Основной массив конфискованных земель перешел в дворцовое ведомство. Ситуация начала меняться по мере увеличения числа «выводов», когда была сделана ставка на приток служилых людей из центральных районов. Ставилась задача максимально быстро передать «освобожденные» земли в другие руки. Поместья этого времени имели исключительно большие размеры. У некоторых служилых князей и ряда вотчинников родовые земли обменивались на поместья. Известны были примеры перехода «боярщин» некоторых новгородцев в качестве приданого в руки «москвичей» [Бенцианов, 2015, с. 42–43].

Эффект от подобных раздач, однако, не оправдал ожиданий. Многие представители знати и лиц, связанных с придворной службой, не стремились перебираться сюда на постоянное жительство. К началу 1490-х гг. число служилых людей в Новгородской земле было недостаточным даже для организации защиты собственных границ. Это наглядно продемонстрировал эпизод шведского вторжения 1496 г., закончившегося сожжением Ивангорода. Несмотря на прошедшие уже к тому времени полтора десятилетия с начала поместных раздач, здесь «служивых людей не было» [Разрядная книга, с. 52].

Во второй половине 1490-х гг. переселения производились целыми семьями и фамилиями. Зачастую охватывались целиком некоторые отдельные группы. Непропорционально большим было, например, число помещиков-«луховцев», выходцев из небольшого поволжского городка Лух, переданного в «отчину» князю Ф. И. Бельскому. При необходимости резко нарастить массу служилых людей в их ряды группами зачислялись бывшие слуги представителей московской аристократии и новгородских бояр. Из последних была сформирована группа «ивангородцев». Некоторые помещики были выходцами из дворцовых слуг – ключников, посельских, тиунов, подьячих и т. д. За короткий промежуток времени удалось создать полноценную служилую корпорацию (порядка 2,5 тыс. человек), ставшую основой для военных действий на западном направлении [Бенцианов, 2013, с. 40–43].

В ходе массовых раздач были выработаны требования обязательной службы. Анализ служб новгородских помещиков показывает, что разрядные поручения стали выполнять представители известных боярских родов, прежде десятилетиями остававшиеся в неизвестности. Переселение в Новгород и обязанность служить с поместий активизировала их службу. Учитывая масштабность новгородских переселений, подобная встряска затронула большую часть боярских фамилий Северо-Восточной Руси. Была постепенно сформирована и система окладов – соотнесения по статьям различных групп служилых людей в зависимости от их статуса, предопределившая в будущем развитие служебной организации. Появился делопроизводственный аппарат, который мог проводить подобные мероприятия в жизнь, был получен опыт форсированного развития служебных отношений. Поместная служба знаменовала собой своеобразный договор между государственной властью и массой лиц, задействованных в службе. Государство гарантировало всем сыновьям служилых людей, годным к несению службы, предоставление поместных наделов, в то время как они обязались нести регулярную воинскую повинность в определенных для них местах. С этого началось формирование дворянства как социальной страты, осознающей свои права и обязанности.

Стремительное развертывание поместной системы в дальнейшем столкнулось с объективными проблемами, главной из которых было отсутствие питательной среды для появления новых служилых людей. Новгородские переселения затронули значительную часть вотчинников центра страны. Для масштабной колонизации других территорий в распоряжении у центрального правительства почти не осталось ресурсов. Рост числа помещиков стал реальностью в следующем поколении, спустя 15–20 лет после массовых раздач рубежа XV–XVI вв. Видимо, именно эта причина привела к консервации сложившихся поземельных отношений в Тверском и Рязанском княжествах, где местные бояре после присоединения к Москве сохранили за собой свои вотчины.

Новгородский опыт организации службы оказал влияние на развитие поместного землевладения в других частях Русского государства. Анализ развития каширской корпорации показывает, что первоначально здесь, как и на территории Новгородской земли, большую роль в поместных раздачах играли пожалования представителям знати. В завещании князя И. Ю. Патрикеева при перечислении «серебра на руках» встречается село «на Безпуте на Иванкове», а также деревни Пилюгино и Сидоровское, которые не передавались его сыновьям и жене. В 1522 г. поместье Г. Ф. Хромого было пожаловано Ф. Г. Хмырову. Писцовая книга конца 70-х гг. XVI в. говорит об одной из церквей как о «поставлении» М. Я. Русалки, дворецкого Ивана III [ДДГ, № 86, с. 348; АСЗ, т. 1, № 287, с. 274–275; Писцовые книги XVI века, с. 1390]. Со временем представители «боярской аристократии», не будучи задействованы в службе на этой южной окраине, потеряли здесь

земли. По-другому сложилась судьба князей Мещерских. Общим предком всех каширских представителей этого рода был живший в конце XV в. К. Б. Мещерский. На рубеже веков князья Мещерские получили также поместья в Новгородской земле. Очевидно, переселение этих мелких служилых князей в разные регионы страны было частью единого плана. Как и в Новгороде, потомки «людей» князя И. Ю. Патрикеева стали родоначальниками семей каширских детей боярских (Трубниковы-Хинские, Родичевы, а также, видимо, Пещеревы и Архаровы). В дальнейшем все они заняли скромные места в структуре местной корпорации. Существовали и прямые переселения из Новгородской земли в Каширский уезд. Истоме Оладину (Шишмареву) принадлежало в начале XVI в. поместье в Шелонской пятине, которое к концу 1530-х гг. уже перешло в руки новых владельцев. В каширской десятне 1556 г. отмечен был его сын Г. Истомин Оладьин [Бенцианов, 2013а, с. 109–111].

Недостаток источников не позволяет оценить распространение системы окладов, выработанной в ходе новгородских испомещений. Видно, что размеры поместий, раздававшихся в первые десятилетия XVI в., уступали «новгородскому образцу». В Новгородской земле «правильные» оклады рубежа веков составляли не менее 15 беж (150 четвертей по позднему соотношению). Сопоставление упомянутых в жалованных грамотах 1511 г. в Ярославском уезде населенных пунктов со сведениями писцовой книги 1568–1569 гг. позволяет оценить количество переданной помещикам земли. Ф. С. Видову были пожалованы деревни Кузолцово, Онисимцево и Корелово. В 60-е гг. XVI в. его сын Угрим Ф. Видов владел теми же участками (деревнями Кузовцево, Онисимцево и пустошью Кореково) без каких-либо придач. Всего ему принадлежало 28 четвертей земли, «худая» земля и «перелог». Во втором десятилетии это владение могло быть несколько большим, но очевидно, что разница не была принципиальной. Тот же вывод применим к А. С. Видову. В 1568–1569 гг. двум его сыновьям И. и С. Верещаге принадлежало 54 четверти земли (С. Верещаге – семь четвертей земли и семь четвертей перелога). Несколько большим по размеру было поместье К. С. Чирикова, перешедшее к его потомку Третьяку Гневашеву Чирикову. Здесь насчитывалась 81 четверть [АСЗ, т. 1, № 37, с. 35–36; т. 4, № 481, с. 353–354; Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века, с. 268–269, 275, 281–283]. Видовы и Чириковы были полноценными детьми боярскими, хотя переданные им владения имели весьма скромный характер.

В соседних Суздальском и Галицком уездах в жалованных грамотах фигурировали также небольшие надель. В 1515 г. К. и Д. В. Репьевы получили поместье своего отца – деревню Тиманово. В том же году галичане Ф. и Неклюд Моклоковы Черевины были пожалованы отцовским поместьем – двумя деревнями и починком. В Устюжне по выписке из писцовой книги 1537 г. поместье Нечая Бирилева составляло 34 четверти [АСЗ, т. 4, № 398, с. 294; № 479, с. 352; т. 1, № 26, с. 28].

Дозорная книга Тверского уезда 1551–1554 г. перечисляет имевшиеся на руках у различных землевладельцев документы на право владения. В ряде случаев указывались и точные даты выдачи поместных грамот, на основании которых можно проследить некоторые особенности процесса поместных раздач. Окулина Фирсова Ширяева предъявила писцам жалованную грамоту мужа, датированную «7013» (1504–1505) г. Всего в ее поместье было 80 четвертей земли. В «7014» г. поместье получил Я. С. Кудрявцев. В 1539–1540 г. в его поместье насчитывалось 87 четвертей земли [ПМТУ, с. 105, 187, 242]. Учитывая большие запасы земель, перешедших в дворцовое ведомство после завоевания Тверского княжества, вряд ли допустимо говорить о дефиците здесь свободных земель.

Приведенные примеры свидетельствуют о желании уменьшить размеры наделов и за счет этого теснее связать помещиков со службой. Эта политика позволяла быстро увеличить число служилых людей, но в перспективе вела к противоположным результатам. С небольшого поместья трудно было нести «далнюю» службу, особенно учитывая его раздробление между несколькими наследниками. Для функционирования системы требовались постоянные новые пожалования и контроль над перераспределением «выморочных» участков. Это, в свою очередь, требовало совершенствования делопроизводственного аппарата.

Первые сбои были зафиксированы уже в 20-е гг. XVI в. В деле муромца Ф. Крыжина 1523–1524 гг. (видимо, из «литвы») упоминалось о его неоднократном уклонении от службы. Несмотря на это, он продолжал в полном объеме владеть своим поместьем. Здесь же говорится о деятельности князя А. Прозоровского: «князь Андрей жил тогда в Муроме, имал тех, которые збежат с службы и которые не поехали на службу» [АСЗ, т. 4, № 502, с. 386–388]. При недостаточности числа служилых людей репрессивные методы воздействия не могли быть достаточно эффективными, что заставляло мириться с такими мерами.

Целостность системы нарушалась за счет пожалований индивидуального характера, что не давало возможности последовательно проводить намеченные изменения. При постоянном недостатке средств для выдачи жалования и увеличении круга претендентов на получение кормлений раздачи поместий компенсировали возникавшие прорехи. Помимо служилых людей, поместья жаловались и другим лицам. Крупным поместьем владел, например, В. К. Протопопов, протопоп Благовещенского собора в Москве, духовник Василия III [Кобрин, 2008, с. 205–206].

Индивидуальный характер пожалований отчетливо проявился после смерти Елены Глинской при новых поместных раздачах в Тверской земле. Исключительно крупные поместья были пожалованы представителям аристократии и виднейших дьяческих фамилий [Кром, 2010б, с. 551]. Анализ тверской писцовой книги показывает неразвитость

в функционировании поместной системы. При перечислении владений отсутствовали ссылки на земли в других частях уезда или даже страны. Раздачи не преследовали цель соответствовать определенным окладам. Подавляющее большинство «старых» помещиков служило с земель, переданных им в предшествующие десятилетия без «придач», хотя зачастую их владения в 1530-е гг. принадлежали нескольким совладельцам. Привлечение данных дозорной книги 1551–1554 г. показывает, что некоторые помещики не служили «государеву службу», в других случаях (конюхи К., Ф. Г. Софроновские) их поместья были фактически отобраны соседями из числа знати. Пример Окулины Ширияевой свидетельствует об отсутствии механизма перераспределения «вдовьих» наделов. Полноценными поместьями владели также О. Ларионова и С. Юрлова [ПМТУ, с. 99, 104].

Учитывая разновременность проводившихся раздач на различных территориях и влияние на этот процесс ряда других факторов, к концу 30-х гг. XVI в. поместная система была представлена в нескольких вариациях. В новоосваиваемых уездах, где массовые испомещения начали проводиться сравнительно недавно, существовала реальная возможность строить служебные отношения на единых «правильных» основаниях, не считаясь со сложившимися традициями. В «старых» поместных уездах, к которым относились Новгородская земля и Тверской уезд, проводить перераспределение земельного фонда было значительно труднее. И если в новгородских пятинах система продолжала функционировать более или менее исправно за счет мобилизации земель и новых раздач [Бенцианов, 2015, с. 48–49], то в Твери ситуация требовала более радикального решения.

Более запутанной была ситуация в уездах, где поместные раздачи проводились в индивидуальном порядке, в качестве дополнения к имеющимся вотчинам. В этом случае вряд ли приходилось говорить о единообразии и контроле со стороны правительства [Кобрин, 1987, с. 94]. Очевидно, уже в ходе «большого поместного верстанья» конца 1530-х гг. была сделана попытка унификации окладов. Об этом свидетельствует выпись из писцовой книги, выданная в 1540 г. Я. С. Колотиловскому «по наказному списку и по окладу боярина князя Ивана Михайловича Шуйского». Всего он получил 25 четвертей пашни и 10 четвертей пашенного и непашенного леса. Обращает на себя внимание кратность этого оклада, которая в целом находила соответствие с новгородскими «образцами», хотя и отличалась от них в меньшую сторону [АСЗ, № 4, т. 4, с. 7]. Позднее Колотиловские, несмотря на незначительность этого владения, утверждали, что упомянутый Я. С. Колотиловский и его племянники служили «по Вологде по дворовому» [Гневашев, с. 186]. Это свидетельство прямо противоречит предположению Г. В. Абрамовича о распространении на территории всего Русского государства этого времени минимального поместного оклада в 100 четвертей [Абрамович, с. 195–196]. Ошибочно мнение Н. П. Лихачева о верстании брянчан 1545 г., основанное

на местнических данных XVII в. Деятельность фигурировавших здесь воевод князя А. Тростенского и В. Белеутова относится к концу 70-х гг. XVI в. [Татищев, с. 16; Лихачев, с. 451]. В других жалованных грамотах 1530–1540-х гг. ссылки на оклады отсутствуют, а сам их формуляр не претерпел изменений.

Унифицированные оклады не получили широкого распространения и, как и многие другие начинания конца 1530-х гг. (например, проект проведения «тысячной реформы»), были отложены до лучших времен. Тем не менее, это начинание не было забыто. В проектах вопросов к Стоглавному собору 1550 г. прямо поднималась тема несоответствия номинального и фактического окладов: «А у которых отцов было поместья на сто четвертей, ино за детми ныне втрое, а иной голоден; а в меру дано на только по книгам, а сметить, ино вдвое, а инь-деболши» [ПРП, с. 577]. В 1556 г. при принятии «Уложения о службе» именно 100 четвертей рассматривались в качестве минимального поместного оклада. Как видно из этого сообщения, с момента проведения последнего верстанья и фиксации его итогов в книгах (писцовых или «служебных», как это было в Новгородской земле) прошло значительное количество времени. Трудно сказать, какое распространение получило отмеченное верстанье в действительности. В Новгородской земле оно было составлено перед проведением писцовых описаний конца 1530-х гг. «Валовая» перепись земель затронула в конце 1530 – начале 1540-х гг. большое количество уездов Русского государства, но, очевидно, далеко не всегда преследовала цель упорядочить имеющиеся поместные оклады [Кром, 2010б, с. 552].

Сведения об окладах содержатся в сочинении Ермолая Еразма «Правительница», написанном в конце 1540-х – начале 1550-х гг. Как и в более поздних десятиях, здесь последовательно перечисляются оклады: 1000 четвертей – боярский оклад, 750 – воеводский, и оклады «воинов» – 500, 400, 300 и 125 четвертей. Деление детей боярских на статьи по окладам (200, 150 и 100 четвертей) было предусмотрено указом 1550 г. об испомещении 1000 «лутчих слуг» [Библиотека литературы Древней Руси, с. 560; ТКДТ, с. 53–54]. Анализ каширской десяти 1556 г. и «боярской книги 1556/57 г.» показывает, что в середине века велась работа по унификации окладов, которая, однако, в эти годы еще не была доведена до конца.

Первый общевоинской смотр армии, нашедший отражение в комплексе десятен, был проведен в 1556 г. в Серпухове. В «боярской книге 1556/57» г. упоминается «старый смотр в Казани в зимнем походе». Ссылки на него содержат сведения о сопровождавших «людях» и их вооружении без сведений о землевладении, которое, очевидно, не было зафиксировано. По размаху серпуховский смотр не имел аналогов: «И свезли к государю списки изо всех мест, и государь сметил множество воинства своего, еще прежде сего не быть так, многия бо крышася, от службы избываше» [ПСРЛ, т. 13, с. 270]. К этому смотру относится составление каширской десяти. Список каширян в ней

был построен по принципу постепенного убывания поместных и денежных окладов. Большая часть поместных окладов отличалась единообразием, основанном на 50-кратном делении. В этом ряду были и свои исключения. Поместный оклад Ю. Г. Тутолмина составлял 230, Третьяка Истомина Солнцева – 295, а С. Первова Болотова – 36 четвертей. В случае с Ю. Г. Тутолминым в десятне получил отражение фактический размер его поместья. Все случаи «нетипичных» окладов находились за пределами Ростовецкого стана, дети боярские которого сформировали ядро каширской корпорации. Для выходцев из этих станов (Беспутский, Туров, Тешилов, Мстиславль) у проводивших верстание лиц, видимо, не было сведений об окладах, поэтому данные по их землевладению записывались с их слов. В отрывках новгородской десятни смотра того же 1556 г. прямо говорится об этой процедуре: «И поместья их писаны, что которой за собою в памяти написал» [Бенцианов, 2013а, с. 104; РГАДА. Ф. 388. К. 846. Л. 544].

Такая же ситуация была описана в «боярской книге 1556/57 г.». У многих детей боярских государева полка отсутствовали поместные оклады, и отражение в этом источнике получило фактическое количество находящейся в их распоряжении земли. М. Т. Шетнев владел 147 четвертями земли, Я. И. Кузьмин – 1184, а И. Шапкин Рыбин – 503. Удастся насчитать несколько десятков подобных примеров [Антонов, 2004, с. 82, 109]. Обращает внимание несоответствие принадлежащего Я. И. Кузьмину количества земли его не слишком высокому статусу. В «Правительнице» Ермолая Еразма это боярский оклад. В случае князя М. Ф. Бахтеярова Ростовского упоминается поместный оклад – полсохи со ссылкой на «старое письмо». Характерно, что уже валовая перепись конца 1530-х гг. описывала поместья в четвертях, то есть в этом случае отсылка шла к более ранним описаниям. В сохах было описано поместье Н. С. Вельяминова, который, правда, сам перевел его в четверти [Колычева, с. 18; Антонов, 2004, с. 86, 110].

Все перечисленные дети боярские, как и другие носители «нетипичных» окладов, не принимали участия в серпуховском «смотре». Отсутствие сведений по более ранним смотрам, фиксирующим размеры поместных окладов, приводило к необходимости опираться на «сказки» служилых людей, что вело к множественным искажениям. Н. С. Вердеревский сказал, что «не ведает» о размерах собственной рязанской вотчины [Антонов, 2004, с. 91]. При описании окладов заметно влияние писцовых книг, которые, видимо, были затребованы по этому случаю. Поместье А. И. Сабурова составляло «его выть треть 1784 четверти» и, очевидно, в свое время принадлежало его отцу, от которого перешло в руки трех его сыновей. Сам А. И. Сабуров в Дворовой тетради был записан по Торжку. Здесь же служил В. Г. Яхонтов, который в 1556–1557 гг. распоряжался доставшейся ему частью отцовского поместья «ево выти на 567 чети с третником» [Антонов, 2004, с. 112, 117; ТКДТ, с. 198]. Данные о землевладении этих лиц, скорее всего, восходят к материалам писцовых описаний конца 1530-х гг.

В ряде случаев видно бытование практики индивидуальных верстаней или верстаней для ограниченных групп служилых людей, не затрагивавших весь «город». Существенно разнились поместные оклады у костромичей государева полка. Некоторые оклады были унифицированы еще до момента составления книги денежной раздачи: во время смотра в Свияжске 1555 г. Ю. П. Федчищев «сказал поместья 400 чети», а в Нижнем Новгороде в 1556 г. Б. Д. Карташев был отмечен с окладом в 250 четвертей. Часть помещиков была верстана уже в 1550-е гг. – велено было учинить оклады Чудину Лобанову Пелепелицыну, его родственникам Меншику и Н. Г. Пелепелицыным, а также Образцу Гневашеву Рогатого и князю И. В. Вяземскому. Последнему из них новый оклад был положен уже после смотра в Нижнем Новгороде 1556 г. [Антонов, 2004, с. 92, 95, 97, 98, 105, 106]. Индивидуальный характер такого рода верстаней раскрывается на примере Чудина Пелепелицына. Ему полагался оклад в 250 четвертей «по окладу бояр князя Дмитрея Курлятева с товарищи... до верстанья». Очевидно, весь костромской «город» не был верстан, что подтверждается нетипичными окладами других детей боярских. Из них Я. Гневашев Рогатого Бестужев (119 четвертей) пропустил все смотры 1550-х гг., поскольку являлся губным старостой [Антонов, 2004, с. 98, 99–100].

Уже были отмечены «нетипичные» оклады в каширской десятне 1556 г. Большая часть каширян, однако, обладала к моменту смотра «правильными» окладами, то есть верстание для них (представителей Ростовецкого стана) было произведено еще до серпуховского смотра.

Раздача поместий по унифицированным окладам получила отражение в актовых материалах. В 1554 г. А. С. Сазонов получил поместье в Тульском уезде. Ему был присвоен отцовский поместный оклад: «велено по окладу учинить 100 четвертей». В рассматриваемом акте содержится ссылка на письмо В. Фомина и Я. Старого 1551–1552 гг. Скорее всего, одновременно с этим «письмом» (или несколько ранее) проводилось верстание тульских детей боярских. В 1557 г. прибавку к тульскому же поместью получил Третьяк Сухотин: «велено учинити поместья на 300 четей». ВМценском уезде поместья П. П. и Б. С. Жиленковым были отданы в соответствии с их поместными окладами – 100 и 50 четвертей. В 1550–1551 г. поместье в 600 четвертей в Дорогобужском уезде было пожаловано новгородцу князю И. Б. Корецкому, а «на Велиже» в 300 четвертей – торопчанину Вериге Ушакову [АСЗ, т. 4, № 133, с. 98; № 412, с. 306; № 458, с. 337; ДАИ, № 52, с. 93, 110].

Жалования земли по окладам (статьям) стали регулярными в 1550-х гг. Жаловалось номинальное число четвертей, а не конкретное село или деревни. Проект указа об испомещении тысячников в 1550 г. предполагал раздачу «тысячникам» земли в соответствии с их статьями. После присоединения Казани 2000 четвертей было пожаловано архиепископу Гурию. Согласно звенигородской писцовой книге 1558–1560 гг., бояре и дети боярские Симеона Касаевича получали поместья по окладам [ТКДТ, с. 53–54; Акты исторические, с. 298;

Материалы для истории Звенигородского края, с. 57–58, 109–111]. Позднее эта практика была взята за основу при казанских раздачах 1560-х гг.

Из этого ряда, казалось бы, выпадают известные по сотной 1555 г. примеры раздачи поместий серпуховским детям боярским. Значительная их часть получила «правильные» оклады – по 100 и 50 четвертей. Встречались, однако, и странные пожалования – по 33, 77, 94, 44, 37 и даже 86 с осминою четвертей. Эти оклады раздавались «по поме-там», которые, очевидно, были внесены в документ во время верстан-ия. Применительно к И. С. Соимонову использовался смотренный список новиков 1554 г., где он упоминался в рубрике «Серпуховичи ж новики, поместьем верстаны в 62 году, а поместья им не даны» [Воронцова, с. 339–343; Кротов, с. 84]. Перечисленные раздачи, скорее всего, были вызваны подсчетами имевшейся в распоряжении у упомянутых лиц земли, к которым для достижения окладной суммы и требовалось добавить нужное количество четвертей. В 1562 г. Соимоновы получили земли «нетчиков» В. и Ф. В. Цвиленевых «к старым их поместьям серпуховским в их оклады, Беклемиша да Истомку к четыремстам к сороку к одной четверти в их оклад в пятьсот четвертей, а Молчанка ко сту к девяносто к осми четвертям с осминою в его оклад в полтретьяста четвертей...» [АСЗ, т. 4, № 432, с. 321]. Сведения о земельных наделах в этом случае, скорее всего, были взяты из писцовой книги князя В. С. Фуникова и И. Т. Бухарина 1551–1552 гг.

В середине века унификация окладов в соответствии с едиными служебными нормами еще не была закончена. В Новгороде при разборе поместных дел в 1555–1556 гг. дьяки делали характерную оговорку «до поместного верстания», которая свидетельствовала о нерешенности этого вопроса [ДАИ, № 52, с. 87, 88 и далее]. В Торопецком уезде в 1550–1551 гг. боярин М. Я. Морозов «смотрел и окладывал поместья детей боярских торопчен». Этот смотр отразился лишь на новых пожалованиях: четвертные оклады были присвоены для поместий, расположенных возле недавно отстроенного Велижа. Поместья собственно торопецких помещиков по-прежнему измерялись в обжах и вытях и были далеки от единых стандартов. В «боярской книге 1556/57» г. упоминается В. А. Меньшой Вельяминов-Сабуров, владевший 23,3 вытями [ДАИ, № 52, с. 91; Антонов, 2004, с. 92]. Это поместье, очевидно, когда-то принадлежало его отцу, а затем было разделено между тремя наследниками, что подтверждает бытование прежней системы распределения поместных наделов. Отсутствовали упоминания об окладах в челобитных торопецких детей боярских середины 50-х гг. XVI в.

Запоздалое распространение унифицированных окладов для Новгородской земли, видимо, была связано с бытованием обежной системы. Затянувшаяся перепись начала – середины 1560-х гг., состоявшая из нескольких писцовых комиссий и переводившая обжи в четверти, преследовала в том числе цель верстания. В 1562 г. поместье в Шелон-

ской пятине было отделено Ф. Д. Головину и Б. Д. Пустошкину, в 1563 – Злобе и С. В. Узкому и т. д. [АСЗ, т. 4, № 108, с. 80; № 373, с. 278; № 469, с. 344–345]. Тексты ввозных грамот говорят о раздаче поместий этого времени «по окладам». В 1561 г. во ввозной грамоте князю Л. И. Белосельскому упоминается его оклад: «мера его доделити по окладу». Впоследствии эта фраза стала более определенной. В 1562 г. поместье получил Б. Д. Пустошкин: «А по окладу за Богдашкою велено учинити на полторасти чети, и не дошло его меры 66 чети с осминою доброй земли» [АСЗ, т. 4, № 39, с. 31–32; № 373, с. 278].

Процедура испомещения по окладам окончательно сложилась ко второй половине 1560-х гг. Переселенные в 1568 г. в Бежецкую и Деревскую пятины костромичи получали поместья по статьям в соответствии с их поместным окладом «по версталному списку».

Судя по «боярской книге», верстание уже к середине 1550-х гг. в полном объеме было произведено для Рязани, Калуги, Каширы, Тулы, Коломны, Вязьмы, Тарусы. Все представители этих «городов» обладали унифицированными окладами, полученными ими до серпуховского смотра. Обращает внимание пример С. И. Наумова, калужского губного старосты. Он, как и его костромской коллега Я. Гневашев Бестужев, не участвовал в серпуховском смотре. Тем не менее, его оклад был унифицирован – 400 четвертей земли [Антонов, 2004, с. 114]. Для большинства отмеченных корпораций отмечается соответствие поместного и денежного окладов: чем больше был размер поместья, тем больше было денежное жалование.

Верстания служилых людей и писцовые переписи были взаимосвязаны: перед проведением переписей обычно производились общий смотр и верстание. В начале 1550-х гг. была проведена серия писцовых описаний, затронувшая в том числе Рязанский, Серпуховский, Каширский, Коломенский и Тульский уезды. Несколько позднее перепись затронула Калужский и Вяземский уезды [АСЗ, т. 1, № 114, с. 85; Павлов, с. 24]. Для некоторых других уездов перепись началась в последующее десятилетие. Отмеченный Новоторжский уезд был описан в 1560 г. (писец – князь А. Дашков), а Костромской – в 1560–1562 г. (писцы – В. Наумов и Инай Ордынцев). Не был описан в 1550-е гг. Бежецкий Верх, о чем можно судить из челобитной 1566 г. вдовы С. Н. Нелединского. Согласно этому документу, поместье ее мужа составляло 93 четверти. При розыске по этой челобитной использовались писцовые книги Рычко Плещеева 1544 г., по которым указанное поместье составляло те же 93 четверти [АСЗ, т. 1, № 189, с. 155].

Оклады 1550-х гг. имели вполне реальное значение, и их обладатели должны были со временем получить причитающееся им земельное обеспечение. Серпуховский городской приказчик В. Ситчин, производивший в 1555 г. отделение поместий, добросовестно относился к своему заданию: практически все фигурировавшие в списке лица получили земельные наделы в соответствии с их окладами. Тщательно был организован процесс испомещения в Звенигородском

езде бояр и детей боярских Симеона Касаевича. Эта работа отражала планы правительства по приведению в порядок окладной системы: «поверстати по достоинству безгрешно... ино недостаточного пожаловати» [ПРП, с. 577]. На унифицированные оклады было ориентировано Уложение о службе 1556 г., предписывавшее выставлять одного воина со 100 четвертями доброй земли.

Реализовать это положение на практике было практически невозможно. Свободных земель для новых раздач в центре страны осталось немного. Анализ писцовых книг Ярославского и Рязанского уездов 1567–1569 гг. показывает, что размеры большинства старых поместий существенно не достигали до минимальной нормы, не говоря уже о качестве земли. По данным Полоцкой писцовой книги, многие помещики Невельского уезда довольствовались наделами в 30–40 четвертей (при окладе в 200–250 четвертей).

Проведенная унификация окладов предполагала возможность фиксированного вознаграждения за успешную службу. Новгородец князь Кудеяр Мещерский в 1568 г. должен был получить 50 четвертей земли за «невелскую послугу». В итоге из его оклада в 350 четвертей (с учетом выслуги) ему «не дошло» две трети – 247 четвертей [АСЗ, т. 4, № 172, с. 142]. Уложение о службе 1556 г. было выстроено в соответствии с номинальными поместными окладами, что приводило к противоречию: требуемое число воинов не было подтверждено необходимым количеством земли. Именно это обстоятельство привело к быстрому нивелированию его норм. Уже к началу 1570-х гг. «Уложение» было практически отменено, а проведение верстаней отдано в руки окладчиков – представителей служилых корпораций.

Вростание и переход к системе унифицированных поместных раздач растянулись на полтора десятилетия и заканчивались уже в других внутривластных условиях, что не могло не отразиться на их характере.

Процесс становления и окончательное оформление системы унифицированных окладов затянулись на несколько десятилетий, что было обусловлено объективной слабостью делопроизводственного аппарата, необходимого для проведения масштабных ревизий и последующего контроля над функционированием служебной системы, а также существовавшими различиями в организации службы в разных частях Русского государства. Недостаток людей и индивидуальный характер многих жалований не давали возможности претворять в жизнь намеченные планы. Начавшееся при раздачах в Новгородской земле складывание единых стандартов долгое время не находило прямого продолжения на других территориях. В самих новгородских пятинах унифицированные оклады были практически сведены на нет истощением фонда земель для новых раздач, отсутствием до определенного времени механизма перераспределения поместных земель и, главное, неготовностью правительства изымать «лишки» у помещиков. В общероссийском масштабе необходимость

проведения унификации окладов встала на повестку дня в конце 1530-х гг. в связи с проводимыми реформами службы. В 1650-е гг. это начинание было продолжено, а его завершение было закончено уже в годы опричного «террора», наложившего отпечаток на развитие окладной системы.

Со всеми недостатками и недоработками единая унифицированная система поместных окладов начала функционировать в рамках всей страны со второй половины XVI в. Трудно переоценить значение этого факта в организации дворянства – страты «служилых землевладельцев», организованных и упорядоченных в соответствии с их военным потенциалом. Вне зависимости от места нахождения поместий, происхождения и существовавших традиций службы все они были соотнесены друг с другом в единой чиновно-иерархической системе. Окладная система была своеобразной «табелью о рангах» и именно в этом качестве воспринималась московским правительством. Показателен случай с разменом пленных в 1566 г. В обмен на Д. Корсакова предлагались «дети боярские мещане городовые Темка Трубников да Митка Оладин, а верстаны поместьем оба по осьмидесяти чети, и те дети боярские молотчие». В этом случае оклад был критерием статуса [Сборник русского исторического общества, т. 71, с. 423].

Не менее важную роль проведение унификации имело при переселениях служилых людей. Оклад имел личный характер, что позволяло безболезненно (по мнению ведавших этим процессом лиц) переводить служилых людей из одного уезда в другой, получая на новом месте причитающийся им надел. Его появление дало основу для опричных и последующих «дворовых» переселений «городом» и обусловило активизацию поместной колонизации новых уездов.

Список литературы

Абрамович Г. В. Поместная политика в период боярского правления в России (1538–1543 гг.) // История СССР. 1979. № 4. с. 192–199.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею : в 5 т. СПб. : Изд-во имп. археограф. комиссии. 1841–1842. Т. 1.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века : в 4 т. Т. 1. М. : Памятники исторической мысли, 1997. Т. 4. М. : Древлехранилище, 2008.

Антонов А. В. «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М. : Древлехранилище, 2004. С. 80–118.

Антонов А. В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV – середины XVI века // Русский дипломатарий. М. : Археограф. центр, 1998. Вып. 3. С. 91–155.

Бенцианов М. М. Каширская десятина 1556 г. и проблема формирования «служилого города» // Проблемы истории России. Вып. 10. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013а. С. 97–120.

Бенцианов М. М. Новгородские источники Тысячной книги 1550 г. : Опыт ретроспективного анализа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2013б. № 4 (54). С. 34–48.

Бенцианов М. М. Формирование поместной системы в Новгородской земле в конце XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2015. №. 1 (59). С. 37–49.

Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 2000. Т. 9. 688 с.

Воронцова Л. Д. Рукописи Серпуховского Высоцкого монастыря // Тр. археографич. комиссии императ. Моск. археол. общ-ва. СПб. : Изд-во моск. археологич. общ-ва, 1902. Т. 2. Вып. 2. Древности.

Гневашев Д. Е. «Сыскные списки» вологодских дворян и детей боярских 1606–1613 гг. // Исторический архив. 2007. № 5. С. 184–196.

Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. СПб. : Изд-во императ. археограф. комиссии, 1846. Т. 1.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950.

Зимин А. А. Из истории поместного землевладения на Руси // Вопр. истории. 1959. № 11. С. 130–142.

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М. : Мысль, 1985. 280 с.

Кобрин В. Б. Опричина. Генеалогия. Антропонимика. М. : Изд-во РГГУ, 2008. 372 с.

Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М. : Наука, 1987, 234 с.

Кром М. М. «Вдовствующее царство» : Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. СПб. : Новое лит. обозрение, 2010. 888 с.

Кром М. М. Меж Русью и Литвой : Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М. : Объединенная редакция МВД России, 2010. 318 с.

Кротов М. Г. Опыт реконструкции десятиен по Серпухову и Тарусе 1556 г., по Нижнему Новгороду 1569 г., по Мещере 1580 г., по Арзамасу 1589 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М. : Изд-во ин-та истории Академии наук СССР, 1985. С. 69–83.

Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1888. 759 с.

Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1. Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. М. : Археографич. центр, 1992. 156 с.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб. : Наука, 1992. 280 с.

Памятники русского права. М. : Гос. изд-во юридич. лит., 1956. Вып. 4.

Писцовые книги XVI века : в 3 ч. СПб. : Изд-во рус. географич. общ-ва, 1877. Ч. 1. Отд. 2.

Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М. : Дрвлекхранилище, 2005.

Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века : Поместные земли. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000.

Полное собрание русских летописей : Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб. : Изд-во императ. археограф. комиссии. 1904. Т. 13.

Разрядная книга 1475–1605 гг. : в 4 т. М. : Изд-во Ин-та истории АН СССР, 1977–1984. Т. 1. Ч. 1.

Сборник императорского русского исторического общества : в 148 т. СПб. : Изд. рус. историч. общ-ва, 1867–1916. 1882. Т. 35; 1892. Т. 71.

Татищев Ю. В. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М. ; Л. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1950.

Флоря Б. Н. О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М. : Наука, 1975. С. 281–290.

References

Abramovich, G. V. (1979). *Pomestnaya politika v period boyarskogo pravleniya v Rossii (1538–1543 gg.)* [Conditional Land System Policy in the Board of Boyars Period in Russia (1538–1543)]. In *ISSSR*, 4, pp. 192–199.

Akty istoricheskie, sobrannye i izdанные Arkheograficheskoyu komissieyu [Historical Acta Collected and Published by the Archaeographic Commission]. (1841). Vol. 1. 614 p. Sankt Petersburg, Izd-vo imp. Arkheograf. Komissii.

Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka [Acts of Landed Servicemen of the 15th – Early 17th Centuries]. (1997). Vol. 1. 432 p. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli (2008). Vol. 4. 632 p. Moscow, Drevlekhranilishche.

Antonov, A. V. (2004). "Boyarskaya kniga" 1556/57 goda [A Book of Boyars of 1556/57]. In *Russky diplomatary*. Iss. 10, pp. 80–118. Moscow, Drevlekhranilishche.

Antonov, A. V. (1998). *Iz istorii velikoknyazheskoy kantselyarii: kormlennyye gramoty XV – sere diny XVI veka* [From the History of Government Office: "Feeding" Diplomas of the 15th – mid-16th Centuries]. In *Russky diplomatary*. Iss. 3, pp. 91–155. Moscow, Arkheografichesky tsentr.

Bentsianov, M. M. (2013). *Kashirskaya desyatnya 1556 g. i problema formirovaniya "sluzhilogo goroda"* [The Military List of Kashira of 1556 and Problem of Gentry Corporations Formation]. In *Problemy istorii Rossii*. Iss. 10, pp. 97–120. Yekaterinburg, Izd-vo Ural'sk. un-ta.

Bentsianov, M. M. (2013). *Novgorodskie istochniki Tysyachnoy knigi 1550 g. Opyt retrospektivnogo analiza* [Novgorod Sources of the Tysyachnaya Book of 1550. A Retrospective Analysis]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 4 (54), pp. 34–48.

Bentsianov, M. M. (2015). *Formirovanie pomestnoy sistemy v Novgorodskoy zemle v kontse XV v.* [The Formation of the Conditional Land System in the Novgorod Republic in the Late 15th Century]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 1 (59), pp. 37–49.

Biblioteka literatury Drevney Rusi [The Library of Old Russian Literature]. (2000). Vol. 9. 688 p. Sankt Petersburg, Nauka.

Florya, B. N. (1975). *O putyakh politicheskoy tsentralizatsii Russkogo gosudarstva (na primere Tverskoy zemli)* [About Ways of Political Centralization of the Russian State (with Reference to Tver Principality)]. In *Obschestvo i gosudarstvo feodal'noy Rossii* (pp. 281–290). Moscow, Nauka.

Gnevashev, D. E. (2007). "Systnye spiski" vologodskikh dvoryan i detey boyarskikh 1606–1613 gg. [Search Lists of the Vologda Gentry. 1606–1613]. In *Istorichesky arkhiv*, 5, pp. 184–196.

Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym arkheogr. Komissieyu [Addenda to Historical Acta Collected and Published by the Archaeographic Commission]. (1846). Vol. 1. 446 p. Sankt Petersburg, Izd-vo imp. Arkheograf. Komissii.

Dukhovnye i dogovornyye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. [Spiritual and Contractual Documents of Grand and Appanage Princes of the 14th–16th Centuries]. (1950). 585 p. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR.

Zimin, A. A. (1959). *Iz istorii pomestnogo zemlevladieniya na Rusi* [On the History of the Conditional Land System in Russia]. In *Voprosy istorii*, 11, pp. 130–142.

Kobrin, V. B. (1985). *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoy Rossii* [Power and Property in Medieval Russia]. 280 p. Moscow, Mysl'.

Kobrin, V. B. (2008). *Oprichnina. Genealogiya. Antroponimika* [Oprichnina. Genealogy. Anthroponymy]. 372 p. Moscow, Izd-vo RGGU.

Kolycheva, E. I. (1987). *Agrarnyy stroy Rossii XVI veka* [The Agrarian System of Russia of the 16th Century]. 234 p. Moscow, Nauka.

Krom, M. M. (2010). "Vdovstvuyushchee tsarstvo": Politichesky krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka ["A Widow Tsardom": Political Crisis in Russia of the 1530s–1540s]. 888 p. Sankt Petersburg, Novoe literaturnoe obozrenie.

Krom, M. M. (2010). *Mezh Rus'yu i Litvoy. Pogranichnyye zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa XV – pervoy treti XVI v.* [Between Russia and Lithuania. Boundary Lands in the System of the Russian-Lithuanian Relations of the Late 15th – 1st 1/3 of the 16th Centuries]. 318 p. Moscow, Ob'edinennaya redaktsiya MVD Rossii.

Krotov, M. G. (1985). *Opyt rekonstruktsii desyaten po Serpukhovu i Taruse 1556 g., po Nizhnemu Novgorodu 1569 g., po Meshchere 1580 g., po Arzamasu 1589 g.* [A Reconstruction of Military Lists of Serpukhov and Tarusa of 1556, for Nizhny Novgorod of 1569, for Meshchore of 1580, for Arzamas of 1589]. In *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda* (pp. 69–83). Moscow, Izd-vo inta istorii Akademii nauk SSSR.

Likhachov, N. P. (1888). *Razryadnye d'yaki XVI veka* [Military Clerks of the 16th Century]. 759 p. Sankt Petersburg, Tip. V. S. Balasheva.

Materialy dlya istorii Zvenigorodskogo kraya. Vyp. 1. Pripravochnyy spisok s pistovyykh knig Zvenigorodskogo uyezda 1558–1560 gg. [Materials for the History of Zvenigorod District. Issue 1. The Revision Lists of Zvenigorod Uyezd Cadastre Books between 1558 and 1560]. (1992). 156 p. Moscow, Arkheografichesky tsentr.

Pavlov, A. P. (1992). *Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove* [The Royal Court and Political Struggle during the Times of Boris Godunov]. 280 p. Sankt Petersburg, Nauka.

Pamyatniki russkogo prava [Monuments of Russian Law]. (1956). Iss. 4. 632 p. Moscow, Gos. Izd-vo yurid. lit.

Pistsovye knigi XVI veka [16th Century Cadastre Books]. (1877). Part 1, Otd. 2. Sankt Petersburg, Izd-vo russkogo geograficheskogo ob-va.

Pistsovye materialy Tverskogo uyezda XVI veka [16th Century Tver Uyezd Cadastre Books]. (2005). 760 p. Moscow, Drevlekhranilishche.

Pistsovye materialy Yaroslavskogo uyezda XVI veka. Pomestnye zemli [16th Century Yaroslavl Uyezd. Manors.]. (2000). 360 p. Sankt Petersburg, Izd-vo "Dmitriy Bulanin".

Polnoe sobranie russkikh letopisey. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu [The Complete Collection of Russian Chronicles. The Chronicles Collection Known as the Patriarch's or Nikon Chronicle.] (1904). Vol. 13. 302 p. Sankt Petersburg, Izd-vo imp. Arkheograf. Komissii.

Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. [Razryad Books]. (1977). Vol. 1, Part 1. Moscow, Izd-vo In-ta istorii AN SSSR.

Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva [A Collection of the Imperial Russian Historical Society]. (1882). Vol. 35. 870 p. Sankt Petersburg, Izdanie russkogo istoricheskogo obshchestva.

Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva [A Collection of the Imperial Russian Historical Society]. (1892). Vol. 71. 807 p. Sankt Petersburg, Izdanie russkogo istoricheskogo obshchestva.

Tatishchev, Yu. V. (1909). *Mestnichesky spravochnik XVII v.* [A 17th Century Reference Book on *Mestnitchestvo*]. 105 p. Vil'na, Gubernskaya tip.

Tysyachnaya kniga 1550 g. i Dvorovaya tetrad' 50-kh gg. XVI v. [A List of *Tysyatskys* of 1550 and List of House Slaves of the 1550s]. (1950). 449 p. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. Nauk SSSR.

Vorontsova, L. D. (1902). *Rukopisi Serpukhovskogo Vysotskogo monastyrya* [The Manuscripts of the Vysotsky Monastery in Serpukhov]. In *Trudy arkheogr. komissii imp. moskovskogo arkheol. ob-va*. Vol. 2, Iss. 2. Drevnosti. Sankt Petersburg, Izd-vo moskovskogo arkheol. ob-va.

The article was submitted on 27.10.2015